

Воспоминания Молотова в беседах с Ф. Чуевым

...Мао и Чжоу

— Китайцы мне все долги отдали. Они в свое время, сразу после войны, нам вернули металлами ценными за всю нашу помощь, они очень честные в этом отношении.

— Как вам показался Мао Цзэдун?

— Чаем поил. И разговаривал насчет того, что вот надо бы встретиться, со Сталиным, когда удобнее... Сталин его не принимал несколько дней и попросил меня: «Поезжай к нему, посмотри, что за тип». Жил он на даче Сталина, на Ближней.

Я поговорил с ним и сказал Сталину, что его стоит принять. Человек он умный, крестьянский вождь, такой китайский Пугачев. Конечно, до марксиста далековато — он мне признался, что «Капитал» Маркса не читал.

Рассказ Попиводы, который я изложил Молотову

...В конце 60-х годов довелось мне в авиационном НИИ работать с Перо Попиводой, Петром Саввичем, как мы его называли, бывшим знаменитым югославским партизанским генералом, народным героем. В 1948-году ему удалось бежать из Югославии в СССР после неудавшейся попытки группы военных свергнуть Тито. Он прилетел в Москву, и его принял Сталин.

«Получилось так, — вспоминал Петр Саввич, — что когда я открыл дверь в кабинет, в это время Сталин стал выходить, и мы едва не столкнулись. Здороваясь, я протянул ему руку, а он отошел на шаг и сказал: «У нас, у русских, через порог не положено!»

Я вошел в кабинет и представился: «Попивода». Наверно, не нужно было называться, потому что он улыбнулся и, пожимая мне руку, сказал: «Сталин».

«Какой молодой, а уже генерал!» — продолжил Сталин...

— Музыкальная у вас семья. Обучали вас?

— Я обучался. На скрипке. Даже Молотов...

— Почему даже Молотов? Даже Сталин, даже Ворошилов и Молотов трое пели! Мы все трое были певчими в церкви. И Сталин, и Ворошилов, и я. В разных местах, конечно. Сталин — в Тбилиси, Ворошилов — в Луганске, я — в своем Нолинске. Это было не тогда, когда мы были в Политбюро, а гораздо раньше. *(Смех.)* Сталин неплохо пел... В Политбюро тоже петь надо, когда Жданов на пианино играл, а вы за столом... Пианино, когда не-немного выпьем. Ворошилов пел. У него хороший слух. Вот мы трое пели. «Да исправится молитва твоя...» — и так далее. Очень хорошая музыка, пение церковное...

СТАЛИН И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ

«Кавказский Ленин»

— О Сталине я узнал в 1910 году по письму Сурина, эсера-provокатора, в революцию его убили. Мы с ним жили в комнатах рядом в ссылке, в Соль-Вычегодске, в Вологодской губернии. Я читал свою литературу, он — свою. Я уехал в Вологду сдавать экзамены за реальное училище. В Вологде я пробыл примерно год до окончания ссылки. И вот тогда мне пишет из Соль-Вычегодска тот, с которым я жил, Сурин, видный эсер из рабочих: «Сюда, в Соль-Вычегодск, приехал Сталин — это «кавказский Ленин». «Кавказский Ленин»! Тогда он уже имел такую славу. В 1910 году он был уже Сталиным. Брошюра есть его «Марксизм и национальный вопрос», там он — Сталин.

— Кто его так называл, многие интересуются?

— Никто — он сам себя так назвал. И я сам себя назвал Молотов. И Ленин. Берешь себе кличку, меняешь кличку. Сталин — индустриальная фамилия. Видимо, по тем же причинам, что и я — Большевик.

(04.12.1972)

— Я уехал, а Сталин прибыл на мое место в ссылку, и мы разминулись. Но начали переписываться. А когда познакомились, жили в одной квартире. Потом он у меня отбил девушку. Вот Маруся к нему и убежала.

(11.06.1970)

...Писатель В. В. Карпов очень просил меня устроить ему встречу с Молотовым. Я уговорил Молотова, и встреча состоялась. Карпов сказал, что собирается написать роман «Генералиссимус Сталин»:

— Хочу написать о Сталине правдиво. А написать о нем правдиво — это значит написать положительно.

— Но имейте в виду, — сказал Молотов, — Сталин — сложная очень фигура. Просто личной симпатии недостаточно. Это хорошо, конечно, без этого и нельзя написать то, что надо, но у него большие особенности, требующие понимания эпохи, обстановки. И все-таки только как военного вы его не можете показать. Главное в нем — политик. Такую роль он играл в политике страны, в истории. Теперь это затушевывается. Много всякой шантрапы. Они свое дело делают, да.

...Разговор зашел о присвоении Сталину звания Героя Советского Союза после войны. Сталин сказал, что он не подходит под статус Героя Советского Союза. Героя присваивают за лично проявленное мужество.

«Я такого мужества не проявил», — сказал Сталин.

И не взял Звезду. Его только рисовали на портретах с этой Звездой. Когда он умер, Золотую Звезду Героя Советского Союза выдал начальник Наградного отдела. Ее приколотили на подушку и несли на похоронах.

— Сталин носил только одну Звездочку — Героя Социалистического Труда. Я иногда надевал орден Ленина, — добавляет Молотов.

Упорно предлагали одно время Москву переименовать в город Сталин. Очень упорно! Я возражал. Каганович предлагал. Высказывался: «Есть не только ленинизм, но и сталинизм!»

Сталин возмущался.

(16.06.1977)

...Надо учесть всю сложность характера Сталина... Насчет русскости он считал, что правительство должен возглавлять русский. Долго не соглашался Председателем Совнаркома стать. Ну не то что не соглашался, но не ставился этот вопрос. Я ему писал, между прочим, перед тем, когда я стал возглавлять Совнарком: лучше бы тебе быть. Это было в конце 1930 года. Рыкова больше нельзя оставлять, вот тебя мы хотим назначить. Я в ЦК работал Секретарем. Он был в отпуску. В Сочи. Он мне написал письмо, что меня надо назначить. Я ему ответил, что я не случайный член Политбюро, конечно. Если я подойду, если народ найдет, что я подхожу, пусть будет так, но было бы лучше, если бы тебя на это место. Так было принято, при Ленине так было. Ленин был фактическим лидером партии и Председателем Совнаркома. А я был вроде Первого секретаря, но совсем не в том положении, какое потом приобрел Первый секретарь. А при Ленине после X съезда, когда я стал ответственным, Сталин не был в Секретариате. Он был членом Политбюро и членом Оргбюро. В Оргбюро я тоже председательствующим был.

Письма между нами были секретными, доставлялись по фельдъегерской связи, чекисты привозили. Личные были, полуофициальные, когда он был в отпуску и я его замещал, готовил материалы Политбюро.

...Сталин на заседании писал сам или вызывал Поскребышева и диктовал ему. Он формулировал очень четко, очень быстро, очень кратко, и не просто основу — в большинстве случаев он давал документ. Потом вводились добавки, кое-какие изменения в окончательном тексте.

В быту

В кабинете Сталина стоял большой стол. У меня было свое место. А так, кто где сидел, трудно сказать. В зависимости от количества людей.

Едва ли в фильмах правильно показывают. Надо нарисовать. Я ведь не такой художник, чтобы Красную площадь нарисовать. Вот кабинет (*рисует рабочий кабинет Сталина*).

Вот основной стол для заседаний... Вот место Сталина... Окна... Я уж не помню, два или три. Вроде три. Вот вход. Тут чекист сидел. Здесь Поскребышев. Сюда дверь, комната для отдыха — там карты, глобус большой, мы там редко бывали.

За столом человек двадцать, пожалуй, могло быть. Суворов и Кутузов, портреты на стене висели, возле окна. В кабинете была маска Ленина в футляре, на подставке, под стеклянным колпаком. Отдельный столик для телефонов. Просторный кабинет на третьем этаже. За окном сейчас виден Вечный огонь.

Теперь о его квартире. Здесь же на первом этаже (*рисует*). Комнат, наверно, шесть-семь, была комната для Светланы, для библиотеки, для спальни, для служащих. В разные периоды разные люди были. Грузинка одна старая была. Потом Валентина Истомина... Это уже на даче. Приносила посуду. А если была женой, кому какое дело?

Первые годы охраны, по-моему, не было. Тогда все ходили пешком. И Сталин. А вот когда начались новые покушения в 1928 году... На границе были пойманы с бомбами. Эсеровского типа люди. Они, террористы, смелые...

А тогда достаточно было убить Сталина, еще двух-трех, и все могло рухнуть.

Помню, метель, снег валит, мы идем со Сталиным вдоль Манежа. Это еще охраны не было. Сталин в шубе, валенках, ушанке. Никто его не узнает. Вдруг какой-то нищий к нам прицепился: «Подайте, господа хорошие!» Сталин полез в карман, достал десятку, дал ему, и пошли дальше. А нищий нам вслед: «У, буржуи проклятые!» Сталин потом смеялся: «Вот и пойми наш народ! Мало дашь — плохо, много — тоже плохо!»

(11.03.1976, 16.08.1977)

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ

Выкачивали хлеб

— 1 января 1928 года мне пришлось быть в Мелитополе по хлебозаготовкам. На Украине. Выкачивать хлеб.

— У кулаков?

— У всех, у кого есть хлеб. Очень нуждались — для рабочих и для армии. Все-таки тогда все это было еще частное. Поэтому надо было у частных брать. Каждый держится за свой кусок хлеба, и мы все разъезжались на места, чтобы добывать хлеб. Первая моя поездка — я хорошо помню.

Я приехал в Харьков, там был тогда еще ЦК Украины, столица там была еще, собрал актив: Украина должна давать хлеб, энергично надо заканчивать. Покритиковали, кто там плохо работает и прочее, и поехал я дальше на места. Первого января приехал в Мелитополь. Праздник, все встречают Новый год, а я обкому говорю: «Актив сегодня». Или там был, кажется, губком, не помню точно. Это крупный центр. Он тогда был окружной. Округа были, довольно крупные округа. Это хлебный район, поэтому меня туда и направили, чтоб покачать хорошенько.

Собрался актив к вечеру, часов в пять. Я их накачиваю: «Давай хлеб! Сейчас такое время, что надо нажать на кулака!» — речь как положено. Принимают резолюцию — обязать, выполнить план, направить... Крестьянский район, все они живут своим хозяйством... Хлеб отбирали, платили им деньги, но, конечно, по невысоким ценам. Им, конечно, не выгодно. Я им так и говорил, что пока нам крестьянин должен дать займы. Надо восстанавливать промышленность и армию не распускать.

Потом я поехал в районы. Там греки живут, украинцы. Поселения. Там нажимал всюю, чтобы выкачать хорошенько хлеб. Приходилось агитационные всякие довольно резкие приемы применять. Почин против кулака. Если не нажмешь на кулака...

На Полтавщине был, в Днепропетровске, в Мелитопольской области. Спецвагон. Там в вагоне я и жил. Охрана была. В вагоне и спал. В районы выезжал, там не везде ночевал, возвращался в вагон.

Вернулся в Москву. Совещание у Сталина наиболее активных деятелей. Я рассказал, как нажимал и прочее. Я почему еще об этом говорю, потому что после этого Сталин сам захотел поехать в Сибирь на хлебозаготовки. Это было его знаменитое путешествие.

— Вы вместо него оставались?

— Я оставался, да.

— Не было такого, что вы оба не в Москве?

— Нет, я думаю, не было такого... Он говорит: «Ну я бы тебя расцеловал, так ты там действовал!». Я даже запомнил: «Так действовал». Вот ему тоже захотелось, и он в Сибирь съездил. Ему важны были хлебные районы, чтобы там заботились о хлебе. А главные районы — Новосибирск, Алтай, вот эти места. Он туда поехал. И он обдумал немножко опыт, что я привез, другие привезли, провел постановление представительное, согласно которому, если кулаки не сдают хлеб в тех размерах, какие для них установлены, применяются репрессивные меры. Кулак в первую очередь отвечает, когда не выполняется план по хлебозаготовкам, и можно применять насильственные меры: отбирается хлеб и переходит в казну. Было опубликовано, и все стали чухаться, что это значит — закон. Он довольно крепко нажал, и подкачался хлеб. Я на Украине, он в Сибири, Каганович ездил, по-моему, и Микоян ездил, потом мы первые годы каждый год ездили за хлебом. Сталин больше не ездил. А мы ездили каждый год, лет пять, выкачивали хлеб.

В 1927-м я делал доклад о коллективизации, 1928 год — послабление. В 1932-м я уже был Предсовнаркома и ездил в Сибирь выкачивать хлеб.

1937 год был необходим. Если учесть, что мы после революции рубили направо-налево, одержали победу, но остатки врагов разных направлений существовали, и перед лицом грозящей опасности фашистской агрессии они могли объединиться. Мы обязаны 37-му году тем, что у нас во время войны не было пятой колонны. Ведь даже среди большевиков были и есть такие, которые хороши и преданны, когда все хорошо, когда стране и партии не грозит опасность. Но, если начнется что-нибудь, они дрогнут, перемятутся. Я не считаю, что реабилитация многих военных, репрессированных в 37-м, была правильной. Документа скрыты пока, со временем ясность будет внесена. Вряд ли эти люди были шпионами, но с разведками связаны были, а самое главное, что в решающий момент на них надежды не было.

...Все это Молотов сказал в ответ на бытующее суждение о том, что если бы не погибли Тухачевский и Якир, у нас не было бы такого страшного начала войны.

— Это модная фальсификация, — сказал он.

(18.12.1970)

Каждый сторонник Сталина лично, что ли, знал Сталина? Он верил в эту линию, политику и боролся.

Удивляет в этих процессах открытых, что такие люди, как Бухарин, Рыков, Розенгольц, Крестинский, Раковский, Ягода — признали даже такие вещи, которые кажутся нелепыми. Ягода говорит: я ничем не лучше, чем любой шпион, который действовал против Советского Союза. Конечно, это явная нелепость — безусловно. Как же это они так? И действительно, кто имеет представление о Рыкове или Бухарине, даже о Розенгольце, страшно поражаются, как это так? Я думаю, что это был метод продолжения борьбы против партии на открытом процессе, — настолько много на себя наговорить,

чтобы сделать невероятными и другие обвинения.

Я даже готов сказать, что там только десять процентов нелепости, может быть, и меньше, но я говорю, что они такие вещи нарочно себе приписали, чтобы показать, насколько нелепы будто бы все эти обвинения. Это борьба против партии.

Вы не хотите психологическую и политическую сторону учесть, потому что вопрос возникает: неужели все это правда?

Я думаю, что и в этом есть искусственность и преувеличение. Я не допускаю, чтобы Рыков согласился, Бухарин согласился на то, даже Троцкий — отдать и Дальний Восток, и Украину, и чуть ли не Кавказ, — я это исключаю, но какие-то разговоры вокруг этого велись, а потом следователи упростили это...

(04.12.1973)

...В 1953 году Сталин меня к себе уже не приглашал не только на узкие заседания, но и в товарищескую среду — где-нибудь так вечер провести, в кино пойти — меня перестали приглашать. Имейте в виду, что в последние годы Сталин ко мне отрицательно относился. Я считаю, что это было неправильно. Пускай разберутся в этом деле хорошенько. Я-то своего мнения о Сталине не менял, но тут какие-то влияния на него, видимо, были.

— Наверно, группа трех друзей поработала — Берия, Хрущев и Маленков?

— Да, видимо. Скорей всего, да. Но все-таки, конечно, главное не в этом. А недоверие было к моей жене. Тут сказалось его недоверие к сионистским кругам. Но не вполне, так сказать, обоснованное.

(09.10.1975)

...Когда на заседании Политбюро он прочитал материал, который ему чекисты принесли на Полину Семеновну, у меня колени задрожали. Но дело было сделано на нее — не подкопаешься. Чекисты постарались. В чем ее обвиняли? В связях с сионистской организацией, с послом Израиля Голдой Меир. Хотели сделать Крым Еврейской автономной областью... Были у нее хорошие отношения с Михоэлсом... Находили, что он чуждый.

Конечно, ей надо было быть более разборчивой в знакомствах. Ее сняли с работы, какое-то время не арестовывали. Арестовали, вызвав в ЦК. Между мной и Сталиным, как говорится, пробежала черная кошка.

...Некоторые считают, что Сталина убил Берия. Я думаю, это не исключено. Потому что на кого Сталин мог опереться, если мне не доверял и видел, что другие не особенно твердо стоят?

— Западные радиостанции подробно рассказывали о «деле врачей», что суд над ними должен был состояться 5 марта, и как раз в этот день умирает Сталин. Прозрачный намек, что его умертвили.

— Возможно. Не исключено, конечно. Берия был коварный, ненадежный. Да просто за свою шкуру он мог. Тут клубок очень запутанный. Я тоже держусь такого мнения, что он умер не своей смертью. Ничем особенно не болел. Работал все время... Живой был, и очень.

Источник: Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 72–73, 114, 117, 240–241, 254–255, 276–277, 292–293, 300, 376–377, 390, 400–401, 464–465, 473, 476–477.